
СКРЫТАЯ САКРАЛИЗАЦИЯ: РЕЛИГИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЕВРОПУ¹

Э. Кауфман

*Ph.D., профессор политологии, научный сотрудник департамента политики
Колледжа Бирбек в Лондонском университете*

7 июля 2005 года в утренний час-пик транспортная система Лондона подверглась заранее спланированной атаке террористов-смертников. Три взрывных устройства были приведены в действие в поездах метро и одно — в автобусе, вследствие чего было убито 52 пассажира и 4 террориста-смертника, ранено более 700 человек. Теракт произошел слишком близко, чтобы не затронуть мое спокойствие. Бомба, заложенная в автобусе, взорвалась на Тэвисток-сквер, в центре района, где располагается Лондонский университет, буквально под окнами моего офиса. Печально, но теракт унес жизнь Бенедетты Кьячи, тридцатилетней итальянской студентки, изучавшей курс информационных технологий в Бирбеке, одном из колледжей Лондонского университета, где я преподаю. Печальная ирония заключается в том факте, что она была помолвлена с мусульманином из Лондона, Фиазом Бхатти, и эти двое тщательно планировали свадьбу в Риме, свадьбу, которая бы сочетала мусульманские и католические традиции. Вскоре после происшествия Фиаз в своем интервью сказал: «Мы принадлежали к разным религиям, но это никогда не было предметом спора. Обе религии учат одному и тому же — не убивать, не воровать, относиться к людям с уважением»².

Все террористы-смертники, действовавшие в тот день, выросли в Британии, разговаривали с английским акцентом и были фактически культурно ассимилированными жителями. Один — 29-летний Джермен Линдси — был выходцем с Ямайки. Трое других — Хасиб Хуссейн (18 лет), Мохаммед Сидик Хан (30 лет) и Шехзад Танвер (22 года) — имели пакистанское происхождение, но рождены были в Британии,

в так называемом мусульманском Бистоне, пригороде Лидса. Лидс, Лестер, Брэдфорд, Олдхэм, Бернли и Бирмингем образуют в центральной части страны кольцо городов с самой большой в стране концентрацией мусульман³. Волна терактов графически иллюстрирует то, как религия вновь проникла в политику «светской» Европы. Также становится ясна важность скрытых демографических сил, которые заставляют религию неявно внедряться в политическую сферу.

Европа своим примером показывает, как взаимодействие секуляризации и «непропорциональной» демографии может порождать фундаментализм. Эта ситуация лишь частично связана с мусульманским миром. Как известно, с 1960-х годов в Европе прослеживается серьезный упадок христианской набожности. Это привело к сокращению большинства церковных приходов и к превращению этих остатков в собрания преимущественно пожилых дам. Однако в европейском христианстве еще остались соки жизни, и религиозность обладает значительными ресурсами. Молодые христиане, как правило, являются большими традиционалистами в своей вере — зачем тогда противиться тенденциям, устанавливаемым сторонниками секулярности? Начиная с 1970-х годов, они разрастались со скоростью 4% в год, практически так же, как и мусульмане. Но христиане реже совершали паломничества к святым местам, таким как Сантьяго де Компостела в Испании и Лурд во Франции.

В 1950-х годах в Лурд приезжало около миллиона паломников в год, сейчас их число возросло до 6 миллионов. Даже в самые немногочисленные дни туда не приходят меньше 50 тыс. паломников, и нужно отметить, что значительная часть их — молодежь. Сегодня евангелисты и пятидесятники составляют более 8% населения Евросоюза, их число уже вдвое превышает число мусульман и все еще продолжает расти в том же темпе⁴. Хотя христианский фундаментализм находится в ста-

¹ Kaufmann E. Sacralization by Stealth: Religion returns to Europe // Kaufmann E. Shall the Religious Inherit the Earth? Demography and Politics in the Twenty-First Century. London, 2010 (публикуется с небольшими сокращениями). Эрик Кауфман является научным сотрудником департамента политики Колледжа Бирбек в Лондонском университете (сайт: <http://www.bbk.ac.uk/politics/our-staff/academic/eric-kaufmann>).

² Wainwright M. Obituary: Benedetta Ciaccia // Guardian. 2005. 9 December.

³ Rai M. 7/7: The London Bombings, Islam and the Iraq War. London and Ann Arbor, Mich.: Pluto Press, 2006. P. 25–50.

⁴ Johnson, Grim. World Religion Database, 2009; Jenkins. God's Continent. P. 61–62, 75.

дии возрождения по всему миру, его распространение в Европе более заметно на фоне предшествующего спада. По-видимому, христианство «окапывается», являя миру с одной стороны упадок, а с другой стороны — растущую силу фундаментализма. Как и везде, умеренные и центристские силы постепенно исчезают.

Иная общая черта с другими частями западного мира — впечатляющая роль демографии в развитии фундаментализма. Религиозная иммиграция и коэффициент рождаемости оказывают на нее серьезное влияние. Несколько недавних исследований касаются вопроса о взаимосвязи религиозности и изменения рождаемости в Европе. Традиционно считалось, что образование является определяющим фактором для коэффициента фертильности. И все же, во многих европейских исследованиях говорится о том, что уровень религиозности женщины в большей степени, чем образование, влияет на количество детей у неё. В Испании женщины, исповедующие католицизм, имеют значительно больше детей, чем их «нерелигиозные» сестры — это различие сохраняется при любом доходе и уровне образования. Но еще в 1985 году ситуация была иной: данные за тот период говорят о том, что многие прихожане оставались лишь формально верующими по некоторым социальным причинам, тем самым как бы маскируя разницу рождаемости между номинальными и действительными верующими⁵. Исследования во Франции показали, что рождаемость выросла в тех поколениях, в которых были верующие католички, коренные жительницы, рожденные после 1950 году, тогда как среди «формальных» католиков уровень рождаемости оставался прежним или падал. Французские женщины, рожденные в 1960 году, дали в будущем разницу в коэффициенте фертильности всего в 0,5 ребенка между верующими и «формально» верующими семьями. Авторы этих исследований акцентируют внимание на том, что упадок значимости религии во Франции, начиная с 1960-х годов, привел де факто к снижению рождаемости на 15–18% в последующие полвека⁶.

Если тенденции наших дней сохранятся, то мы можем говорить о возрождении христианской демографии. К тому же, уже видно выравнивание религиозного спада в странах первой волны секу-

ляризации. Во Франции и Скандинавии, где секуляризация укоренилась в XIX — начале XX века, среди довоенных поколений (до 1945 года) больше прихожан старшего возраста, тогда как среди рожденных в послевоенное время немало религиозной молодежи. Только 5% прихожан в этих странах регулярно ходят в церковь, это действительно преданные церкви люди, которые противостоят дальнейшему упадку религии. Фактически, секуляризация в Европе сейчас ограничена католическими странами новой волны секуляризации. Как только пропорция верующих католиков через поколение или около того упадет до уровня скандинавских стран, то есть до 5% прихожан, можно ожидать аналогичного «эффекта возрождения»⁷.

Выравнивание секуляризационных тенденций может позитивно повлиять на начало демографического возрождения, как это происходит сейчас среди евреев. Еврейские женщины, которые называют себя религиозными, в комбинированных исследованиях EVS («European Values Surveys»), исследовательский проект, изучающий убеждения людей, то, как они изменяются со временем, и то, какие социальные и политические последствия это имеет) 1981, 1990, 1997 годы демонстрируют более высокие (в 2 раза) показатели рождаемости, чем нерелигиозные и атеистически настроенные еврейки. Разница становится еще более заметной при сравнении молодых женщин, для которых период деторождения еще не закончился⁸. За этими цифрами скрываются три различных группы населения. Первая — нерелигиозное, экономически успешное европейское еврейское большинство, с характерной низкой рождаемостью и сильной тенденцией к межрелигиозным бракам. Вторая группа — довольно бедные ультраортодоксальные сообщества, рождаемость в которых в 3–4 раза выше по сравнению с другими еврейскими объединениями. И последний сегмент — современные ортодоксы, которые характеризуются средним уровнем рождаемости и высоким уровнем сохранения религиозных традиций; представители данного сегмента с наибольшей частотой эмигрируют в Израиль.

В Великобритании 2008 год был первым годом после Второй мировой войны, когда уровень рождаемости среди евреев превысил уровень смертности. В период с 2005 по 2008 год численность британских евреев впервые начала расти. Это произошло точно не благодаря «нерелиги-

⁵ *Adsera A.* Marital Fertility and Religion: Recent Changes in Spain. IZA Discussion Paper 1399. University of Chicago: Population Research Center, 2004. P. 23; *Berghammer et al.* Religiosity and Demographic Events.

⁶ *Regnier-Loilier et al.* Does Religious Practice Influence Fertility and Demographic Events.

⁷ *Kaufmann E.* Human Development and the Demography of Secularisation in Global Perspective.

⁸ European Values Surveys 1981, 1990, 1997.

озным евреям», средняя рождаемость у которых была 1,65 ребенка на семью. Низкий уровень рождаемости, большой средний возраст, тенденция к межрелигиозным бракам и уходу из веры объясняют падение численности британских евреев с 450 тыс. в 1950 году до 280 тыс. сегодня. Тем не менее, женщины в ультраортодоксальных семьях имеют в среднем по 6,9 детей каждая, также лишь малое количество представителей данной религиозной группы заключают межрелигиозные браки или вообще уходят из веры. Следовательно, по некоторым подсчетам, именно на эту религиозную группу приходится три четверти всех рожденных в Британии еврейских детей, хотя ультраортодоксальные евреи составляют лишь 17% от общей численности евреев в этой стране. Скорее всего, к 2050 году они станут большинством среди британских евреев⁹. Вероятнее всего, модели развития событий в этом плане одинаковы по всей Европе.

Другой пример роста эндогенного фундаментализма являет собой Листедианская лютеранская церковь Финляндии. Данное объединение насчитывает от 80 до 150 тыс. человек, но оно остается при этом малым сообществом. В силу того, что эта конфессия отрицает контрацепцию, рождаемость в их сообществе намного выше, чем среди других представителей финских лютеран. В деревне Ларсмё, где проживает большое число листедианцев, рождаемость выросла, тогда как в целом по стране — упала: в 1940-х годов рождаемость здесь в два раза превышала среднюю рождаемость по стране, в 1960-х годах соотношение выросло до 3:1, к концу 1980-х показатель стал 4:1. К 1985–1987 годам уровень рождаемости в листедианских семьях был 5,47 детей на семью, тогда как по стране уровень был 1,45 детей на семью. Внутри данного религиозного сообщества существует разделение: группа «умеренных», которые предпочитают родить 4-х детей и затем использовать контрацепцию, и группа «консерваторов», которые вообще не контролируют рождаемость. Исследования среди листедианцев по уровню эндогамии и приверженности сообществу не проводились. Но члены данной конфессии объеди-

нены территорией проживания и родом занятий, что отличает их от анабаптистов старого порядка и ультраортодоксальных евреев, которые теряют своих членов из-за процессов ассимиляции. Несмотря на то, что некоторое количество адептов все-таки покидают веру и общину, женятся или выходят замуж за представителей других верований, численность представителей листедианской общины Ларсмё удвоилась за последние тридцать лет и сейчас составляет 40% от общего числа жителей деревни. При такой тенденции члены общины станут составлять две трети всех жителей деревни примерно через поколение¹⁰.

Ситуация с голландскими ортодоксальными кальвинистами может быть охарактеризована как умеренная версия той же динамики. Превосходство в уровне рождаемости среди кальвинистов не настолько очевидно, как среди ультраортодоксальных евреев и листедианцев, но его влияние усиливается тем фактом, что кальвинисты составляют значительную долю от общего населения. Среди женщин 1945–1949 годов рождения, коэффициент рождаемости у кальвинисток — 3 ребенка, в сравнении с протестантками, у которых данный показатель — 2,3, у католичек — 1,9, у людей, не принадлежащих ни к одной вере — 1,7. Данный фактор, в сочетании с серьезным сопротивлением распространению секуляризации, привел к недавнему росту показателей.

В 1829 году соотношение голландских католиков и протестантов было 40:60. Начиная с 1920 года, а особенно с 1960-х годов, господствующая Нидерландская реформатская Церковь (протестантская) переживала упадок — лишь 14% населения Нидерландов состояло в этой церкви, в сравнении с 49% в 1889 году. Если же принять во внимание только «активных» прихожан, которые посещали церковь хотя бы раз в месяц, то указанный показатель падает до 5%. Католики все еще составляли 32% от общего населения в 1999 году, их долгое время обвиняли в попытках численно вытеснить протестантов. Но секуляризация и демографические изменения нанесли наибольший урон именно им: к «активным» католикам сейчас относятся жалкие 8% населения.

Данная ситуация контрастирует с положением ортодоксальных кальвинистов, которые отделились от Нидерландской реформатской Церкви в 1886 году. В 1889 году они составляли 8% от общей численности. Сегодня, несмотря на дли-

⁹ *Wise Y.* Britain's Jewish Population on the Rise: Britain's Jewish population is on the increase for the first time since the Second World War, according to new research // *Telegraph Online*. 2008. 20 May. Эти данные оспариваются в других работах. *Graham D., Vulkan D.* Population Trends among Britain's Strictly Orthodox Jews. London: Board of Deputies of British Jews, 2008; *Graham D., Schmool M., Waterman S.* Jews in Britain: A Snapshot from the 2001 Census. London: Institute of Jewish Policy Research, 2007.

¹⁰ *Finnas F.* Fertility in Larsmö — the Effect of Laestadianism // *Population Studies — a Journal of Demography*. 1991. № 45 (2). P. 339–351.

тельный процесс секуляризации, их доля остается практически прежней — 7%. В отличие от представителей других вероисповеданий, большинство кальвинистов регулярно посещают церковь. В настоящее время активных кальвинистов по численности столько же, сколько и активных членов Нидерландской реформатской Церкви¹¹. Кальвинисты неравномерно распространены в цепи общин, так называемом «библейском поясе», распростершемся от Зеландии на юго-западе до Фрисландии и Оверэйсела в северно-центральной части Нидерландов. Предполагаемые корни генезиса «церковного пояса» уходят в XVII век, когда протестантские общины воевали с испанскими католическими силами во Фландрии. Сегодня эти сообщества отделены и религиозно, и демографически. В Урке, южной деревеньке, которая оказалась изолированной от основной территории вплоть до проекта освоения 1941 года, проживает самое молодое население в Нидерландах.

Проехав всего 1,5 часа от либерального Амстердама до города Стафорста, вы попадаете в совершенно иной мир. Около 80% населения здесь предпочитают не иметь телевизора. Каждое воскресенье автобусы остаются припаркованными, а местный пул закрывается. Четверть всех женщин надевают традиционные костюмы: черные чулки до колен, подвязанные резиновой лентой, юбки до щиколотки, фартуки, шали и шляпки, в сочетании с черными ботинками или деревянными сабо. Остальные одеваются консервативно. Половина молодежи переходят из отчего дома сразу в свою собственную семью, многие голосуют за Реформатскую партию (SGP) — консервативную христианскую партию, которая выступает против эвтаназии, однополых браков, публичных домов и женщин у власти. Эта партия получает в среднем 5% голосов и занимает 2–3 места в нидерландском парламенте¹². Традиции общины до определенной степени затрагивают окружающее население. Среди всех религиозных голландцев прослеживается следующая тенденция: те, кто не имеет детей, чаще всего покидают лоно церкви, как только взрослеют, тогда как молодые люди с детьми остаются в церкви. Среди голландцев 36–39 лет, имеющих детей, около 20% посещают церковь как минимум раз в месяц, тогда как лишь 5% прихожан без детей посещают церковь

¹¹ Haandrikman K., Sobotka T. The Dutch Bible Belt: A Demographic Perspective. Working paper, University of Groningen, Population Research Centre, 2003.

¹² Haandrikman, Sobotka. The Dutch Bible Belt; Ler Roux, Mariette. Calvinists Thrive in Dutch Bible Belt // Jakarta Globe. 2009. 2 September.

с такой же частотой¹³. Эта религиозная фертильность наряду с ростом числа кальвинистов и второй волной демографических изменений среди остальных голландцев обеспечивают выживание христианства.

Волна мигрантов с нового континента

Более активная и драматичная сторона религиозной демографии — это иммиграция. Оценка существующей ситуации такова, что к 2050 году практически четверть западноевропейцев не будет принадлежать к белой расе, к 2100 году это число вырастет до 60% (если считать смешанные расы)¹⁴. Приезжающие в Европу иммигранты — это преимущественно религиозные христиане или мусульмане, тогда как принимающее их общество является по большей части светским. Таким образом, иммиграция делает Европу более «разноцветной» и при этом более религиозной. Мы уже не можем говорить о светских европейцах и религиозных иммигрантских меньшинствах, так как иммигранты и их дети *будут* во многом формировать Европу.

В эпицентре глобального южного христианства находится пятидесятничество, которое является самой изобильной и быстро растущей формой христианства¹⁵. Пятидесятники — экспрессивные фундаменталисты, которые верят в то, что Святой Дух может вселяться в человека, в результате чего появляется склонность говорить на непонятных языках. Принято считать, что пятидесятники сейчас составляют четверть всех христиан Земли; их число выросло в результате обращения католиков Латинской Америки, анимистов Африки, а также буддистов, синтоистов и атеистов Восточной Азии¹⁶. Многие из них иммигрировали в Европу. Только в Великобритании проживают около 250 тыс. пятидесятников, большей частью это иммигранты. Во Франции протестанты-евангелисты, преимущественно пятидесятники, увеличились в численности с 50 до 400 тыс. в течение 50 лет в основном за счет иммигрантов из Африки.

Католицизм и мейнстримовый протестантизм также выигрывают в сложившейся ситуации. В Дании именно иммигранты наполнили пустующие католические церкви и фактически затре-

¹³ Berghammer C. Causality between Religiosity and Child-bearing: Evidence from a Dutch Panel Study. Paper presented at IUSPP conference, 2009.

¹⁴ Coleman, Scherbov. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries.

¹⁵ Jenkins. God's Continent. P. 58–67, 167.

¹⁶ Martin. Pentecostalism.

бовали строительство новых. В Ирландии поляки и литовцы на мессах численно вытесняют коренных жителей, которые все больше подвержены секуляризации. Глобальный Юг — это также единственный двигатель христианства в случае с официальными протестантскими деноминациями, таким как англиканство, что символизируется назначением в 2005 году Джона Сентаму (родился в Уганде) на должность архиепископа Йоркского. Это прямое следствие демографического взрыва на Юге и, в меньшей степени, секуляризма в Европе. В силу того, что центр христианства перенесся в тропики, несколько изменился и баланс сил между либерально настроенными европейскими клерикалами и традиционалистскими африканскими христианами; в частности, это касается вопросов о правах геев, лесбиянок и положении женщины в обществе. Это, в свою очередь, отражается на позиции церкви в самой Европе. В Великобритании десятая часть прихожан, посещающих воскресные службы, имеют африканское или восточно-индийское происхождение, а в Лондоне число таких прихожан достигает до 44%; если прибавить к этой цифре других прихожан небелой расы, то показатель вырастет до 58%. Благодаря иммиграции и большому приросту населения среди иммигрантов, число христиан-прихожан в «светском» Лондоне практически не менялось в период с 1989 по 2005 год, тогда как в остальной части страны их число сократилось на 40%¹⁷.

Подъем ислама в Европе

В то время как религиозная демография замедлила угасание христианства в Европе, для европейского ислама она послужила толчком в развитии. В конце второй мировой войны в Западной Европе фактически не было мусульман. Сегодня мусульман 15 миллионов, и они составляют от 2% до 6% населения большинства европейских государств. Первые мусульмане прибыли в Старый свет в начале Второй мировой войны, когда на заводах потребовалась дешевая рабочая сила. Во Франции с 1920-х годов трудилось много африканцев из Алжира. Остальные прибыли сразу после объявления независимости Алжира в 1962 году¹⁸.

В Германии большинство так называемых *Gastarbeiter*, или приглашенных рабочих, прибы-

ли из Турции с 1950-х годов. Марокканцы и турки преобладают в Бельгии и Голландии. Большинство европейских турок происходят из маленьких деревенок центральной Турции или с побережья Черного моря, то есть из религиозных районов страны. Они являются выходцами из низших слоев социально-экономической лестницы и поэтому имеют очень низкий образовательный уровень¹⁹. Это привело к непропорциональному религиозному «поток»у. В Скандинавию мусульмане мигрировали не так давно, в большинстве своем как беженцы. Их миграция отражает конфликты, назревшие в мусульманском мире: боснийский, курдский, иракский, афганский и сомалийский. В Великобритании находятся мусульмане преимущественно южно-азиатского происхождения; большинство составляют пакистанцы (43%) и бенгалцы (около 16%). Из британских пакистанцев около 70% происходят из Мирпура, сельского района пакистанского Кашмира. Первая волна переселенцев прибыла, чтобы работать на текстильных фабриках центральной Англии²⁰.

В большинстве европейских стран приток рабочих был плохо спланирован. В силу заката тяжелой европейской промышленности многие приезжие потеряли работу. Но вместо того, чтобы возвращаться домой, как наивно полагали коренные европейцы, многие иммигранты так и остались на новой родине. Даже без работы они могли обеспечить себе здесь гораздо лучший уровень жизни, чем в своей родной стране. За первыми иммигрантами-мужчинами последовали их жены, семьи и другие земляки в поисках прибежища и помощи. Второе поколение иммигрантов подвергалось большому риску безработицы и безысходности, многие стали нарушать закон и совершать преступления, становились наркоманами, в итоге число иммигрантов-заклученных выросло по сравнению с коренными жителями в восемь раз. В это время некоторые другие иммигранты находили выход в присоединении к радикальным исламистским группировкам²¹.

Как и афроамериканцы в загнивающих северных городах, таких как Детройт или Камден (штат Нью-Джерси), мусульмане на европейских территориях — в бедных пригородах или индустри-

¹⁷ Ibid.; *Jenkins*. *God's Continent*. P. 58, 92–96; *Johnson, Grim*. *World Religion Database*; «A New Jerusalem» // *Economist*. 2006. September 21.

¹⁸ *Silverstein P.* *Algeria in France: Transpolitics, race, and nation*, *New Anthropologies of Europe*. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

¹⁹ *Crul M., Vermeulen H.* *Immigration, Education, and the Turkish Second Generation in Five European Nations: A Comparative Study* // *Parsons C., Smeeding T.* *Immigration and the Transformation of Europe*. Cambridge University Press, 2006. P. 238–239.

²⁰ *Rai*. 7/7. P. 72.

²¹ *Caldwell*. *Reflections...* P. 136; *Khosrokhavar F.* *L'islam dans les prisons, Voix et regards*. Paris: Balland, 2004.

альных городках — организовывались в гетто. Во Франции бидонвили, или трущобы, окружали главные города, как например Париж, и давали приют после войны тысячам бедных семей североамериканского, испанского, португальского и собственно французского происхождения. Каждая этническая группа имела всё необходимое в своей местности. Некоторые бидонвили просуществовали вплоть до 1960-х годов, но в итоге все трущобы были снесены для постройки новых жилых комплексов, которые, как и по всей Европе, появлялись в больших количествах в 1950–1970-е годы.

Во Франции многоэтажные *cités de transit* были вдохновлены функциональным модернистским видением Ле Корбюзье. Планировщики верили в то, что светлые, просторные, обтекаемые здания были прогрессивными, рациональными и несущими здоровье. Но на деле все оказалось не так. Основные высотные пригороды, такие как Сен-Дени и Обервилье близ Парижа, оказались отрезаны от системы метро, что порождало еще одну преграду для жителей, искавших работу. Дешевые постройки быстро постарели, теперь более 80% всех построек страдают от новодний, сломанных лифтов, изолированности и других дефектов. Почтовые ящики часто разломаны и разграблены. Группы хулиганов слоняются возле входов в здания и зачастую пытаются контролировать лифты. Во многих пригородах из-за преступности и отсутствия покупателей закрылись магазины. Как знак признания неудачи, сотни подобных построек были разрушены: с 1989 года из 300 тыс. квартир большая часть была выведена из эксплуатации.

Не все приезжие были представителями этнических меньшинств, и большинство из них не были мусульманами. Даже в Париже имеются значительные белые рабочие меньшинства, живущие в этих пригородах. Когда здесь преобладали белые жители, то они запугивали и нападали на иностранцев. В «кровавое лето» 1943 года около 15 алжирских рабочих были убиты в результате расистских атак в округе Марселя. Еще более жестокой формой насилия на почве расизма стали убийства афроамериканских детей, играющих во дворах, из винтовок 22 калибра. Только в июле 1983 года в пригороде Парижа было произведено семь обстрелов, которые унесли жизни пятнадцатилетнего мальчика и девятилетней девочки.

Сегодня большинство белых жителей пригородов — пожилые люди. Причиной этому отчасти является так называемый «белый перелет», но небелые жители тоже пытаются уезжать из подобных мест. Более значим тот факт, что поддержка вновь прибывших жителей оказывается только

в отношении небелых; таким образом, на данных территориях начинают преобладать этнические меньшинства. Во всяком случае, местные власти пытаются осуществить дискриминацию в пользу немусульманских азиатов, таких как вьетнамцы, используя нелегальные квоты. Несмотря на такие нелепые меры, некоторые пригороды, например Обервилье, все-таки становятся мусульманскими. Контраст между молодыми представителями этнических меньшинств и белыми пожилыми жителями малонаселенных районов огромен. В Париже, в пригороде Монфермей, афроамериканские школьники меняют облик белого района, известного как «район для стариков». Кристофер Колдвел видит в этом демографическом неравенстве цивилизационную метафору: столкновение живого ислама с увядающей Европой²².

Еврабия? Демография европейского ислама

Ведущий специалист по исламу из Принстонского университета, Бернард Льюис, в гамбургском издании «Die Welt» язвительно заметил, что к концу XXI века Европу в основном будут населять мусульмане. Этот комментарий вызвал волну шоковых настроений и дебатов по поводу того, не превратится ли Европа в Еврабию. Ссылаясь на Льюиса, Фриц Болкестейн, известный голландский консерватор, сообщил своей аудитории на собрании в честь третьей годовщины 11 сентября, что «современные тенденции позволяют сделать только один вывод: Европа исламизируется»; этим он породил новую волну дебатов. Болкестейн предупреждал также, что признание 83 миллионов турецких мусульман Евросоюзом значительно ускорит этот процесс. Подхватывая настрой и замечания Болкестейна, австрийский комиссар Евросоюза по сельскому хозяйству также предостерегает своих коллег от признания турок. С точки зрения стратегии и экономики принятие Турции в ЕС имеет смысл, но распространенные страхи о том, что это приведет к открытию ворот для массовой иммиграции в Европу, заставили отложить данную идею в долгий ящик. К дебатам присоединились даже академики. Французский демограф Жан-Клод Шене, например, говорит о «быстрой исламизации» его страны²³.

Консерваторы уводят разговор в сторону цивилизационной тематики. Американский католи-

22 *Silverstein*. Algeria in France... P. 92–97, 159–160; *Caldwell*. Reflections... P. 16.

23 *Caldwell C.* Islamic Europe // *Weekly Standard*. 2004. 25 September.

ческий теолог Джордж Уэйгел предсказывает, что в XXII веке будет существовать уже мусульманская Европа. Низкий коэффициент рождаемости среди европейцев, как пишет автор, это лишь одно из зол, которое принес с собой атеистический гуманизм; эта идеология не «заботится» о выживании западной цивилизации. «Когда беззащитная, уступчивая релятивистская культура встречается с культурой крепкой, уверенной, сплоченной единими доктринами, — добавляет Кристофер Колдвел, — то обычно первая меняется под действием второй». В связи с созданием Центра для изучения ислама в Оксфорде (с минаретом и залом для молитв) Ниал Фергюсон процитировал слова Эдварда Гиббсона на тему будущего Европы: «Вероятно, в колледжах Оксфорда теперь будут изучать интерпретацию Корана и будут проповедовать святость и непогрешимость пророка Мухаммеда»²⁴.

Наблюдения Фергюсона, Колдвела и Уэйгела получили довольно широкий отклик среди ученых. В книге египетской еврейки Бат Йеор «Евразия: Европейско-арабский альянс» (2005) Европа перекрашена в зеленый цвет и обозначена как «Земля дхимми», что отсылает к статусу «дхимми» для немусульман в Исламских империях; для получения этого статуса немусульмане заключали договоры, по которым были вынуждены терпеть унижительное положение, чтобы избежать рабства и смерти. Острая риторика канадского журналиста Марка Стейна идет еще дальше. По факту, Мухаммед — это 1) самое распространенное мужское имя в большей части западного мира, которое дают сейчас новорожденным; 2) самое распространенное имя террористов и убийц; 3) имя почитаемого Пророка в самой быстрорастущей религии на западе. Именно на перекрестке этой статистики — религиозной, демографической, террористической, — по его мнению, нас ждет темное будущее. Подобные идеи получают популярность. В интернете распространился пародийный ролик «Европа 2015», где Великобритания переименована в Северный Пакистан, Франция — в Исламскую республику нового Алжира, Германия — в Новую Турцию, Бельгия — в Бельгистан, а Испания — в Мавританские Эмираты Иберии²⁵.

Тезис о Евразии вызывает сочувствие и среди оптимистичных мусульманских мечтате-

лей. Муаммар Каддафи вдохновлен идеей неминуемого исламского захвата Европы: «50+ миллионов мусульман (в Европе) превратят ее в мусульманский континент за несколько десятилетий». Он говорит это, следуя традиции своего арабского друга-диктатора Хуари Бумедьена, который в 1974 году очень экспрессивно высказался перед ООН: «Однажды миллионы мужчин покинут Южное полушарие и пойдут на Север. Но они пойдут туда не с миром. Они пойдут туда, чтобы завоевывать. И они завоюют его вместе со своими сыновьями. Чрева наших жен помогут нам в этом». Джихадист Омар Бакри после взрывов в Мадриде заявил в интервью Лиссабонской газете, что однажды надеется увидеть мусульманский полумесяц, возвышающийся над Даунинг стрит, 10 — резиденцией британского премьер-министра²⁶. Норвежский джихадист Мулах Крекар выразил схожее мнение: «Число мусульман растет, также как число москитов», — сказал он, не вполне понимая двусмысленность своей фразы. Даже мирные мусульмане присоединились к данной идее. Представитель «Аль-Джазиры» Юсуф Аль-Карадхави однажды сказал о том, что «ислам вернется в Европу и покорит ее», но «теперь война будет не мечами, а идеологией и проповедью».

Насколько обоснованы подобные опасения? Давайте оценим некоторые из этих тезисов. В 2009 году семиминутное видео «Мусульманская демография» стало хитом на Ютубе, и за два месяца, с мая по июль, было просмотрено более чем 10 млн раз. В видео использована драматичная музыка, карты и флаги для убедительности, но главное — оно начинается с довольно точной статистики, касающейся малой рождаемости среди коренных европейцев. Дальнейшие данные были завышены: сравнивался уровень рождаемости среди коренных французов — 1,8 и французских мусульман — 8,1, что является завышенным показателем. Истинный уровень рождаемости среди французских мусульман колеблется между 2,8 и 3,3. Далее в видео утверждается, что 30% французских детей до 20 лет являются мусульманами, хотя настоящая цифра — только 5,7%²⁷.

²⁶ Ibid. P. 197.

²⁷ Heran F., Gilles P. Two Children Per Woman in France in 2006: Are Immigrants to Blame? // Population and Societies 432. 2007. March. P. 2; Westoff C., Frejka T. Religiousness and Fertility among European Muslims // Population and Development Review 33:4, 2007. P. 785–809; Vegard S., Barakat B., Goujon A., Samir K. C., Kaufmann E., Lundevaller E., Stowaski M. Pew Forum Muslim Religious Demography Report: Albania, Bosnia and Herzegovina, France, Germany, Netherlands, Spain, Sweden and United Kingdom, forthcoming spring 2010.

²⁴ Weigel G. The Cube and the Cathedral: Europe, America, and Politics without God. New York: Basic Books, 2005; Caldwell. Reflections... P. 394; Ferguson N. Eurabia? // Hoover Digest. 2004. 4 April.

²⁵ Jenkins. God's Continent... P. 6; Steyn M. America Alone: The End of the World as We Know it. Washington D.C.: Regnery, 2006. P. 65.

Хотя официальные СМИ раскритиковали видео, они в итоге смогли с точностью сказать лишь о статистике на настоящий день, потому что *никто не выполнил абсолютно верные проекции на будущее*. Это отразилось на комментариях тех, кто согласился с фактом искажения статистики, но при этом апеллировал к отсутствию других прогнозов в масс-медиа. Как заметил один из читателей, написавший британскому новостному холдингу BBC: «Ознакомившись со статьей (опровержение информации из видео со стороны BBC), я все еще не понял до конца, что же на самом деле сейчас происходит... Я бы сказал, что в этом плане ваша статья не развеяла опасений, спровоцированных видео, а лишь усилила их»²⁸.

Хотя в социологических науках демографические проекции являются наиболее точными, только три западноевропейские страны занимаются сбором данных относительно религии. Более того, ни один ученый, занимающийся демографией, не предоставил каких-либо проекций относительно будущего соотношения религий в Европе, наподобие тех, что были представлены Американским исследовательским бюро по этническому составу на 2010, 2050 и 2100 годы. Чтобы компенсировать это упущение, я обратился в Международный институт прикладного системного анализа (IIASA), расположенный недалеко от Вены. Данный институт ведет программу учёта мирового населения, развивает свои компьютерные обеспечения для проекции размера групп (образовательных, религиозных, этнических) внутри стран. Проекционные программы должны учитывать возраст религиозной структуры, уровень рождаемости, уровень иммиграции (по возрасту и полу), обращения в другую веру, включая атеизм. Результаты будут представлены ниже, но пока давайте посмотрим на сегодняшнюю демографическую ситуацию среди европейских мусульман.

Мусульманское население Европы сегодня

На сегодняшний день в Евросоюзе насчитывается около 15 миллионов мусульман, что составляет 3% от общего населения ЕС. В большинстве западноевропейских стран число мусульман составляет от 2% до 6%. Самые современные данные о европейском исламе представлены в *диаграмме 1*, хотя я могу с определенностью говорить лишь о семи из этих стран: Великобритании, Франции, Испании, Швеции, Нидерландах,

Австрии и Швейцарии, так как мне были предоставлены данные об исследовании именно этих государств. Несмотря на то, что уровень рождаемости и иммиграции постоянно меняется, общая картина будущего религиозных групп уже доступна. Резкие очертания демографической обусловленной социальной модификации становятся очевидны, в первую очередь, из ситуации в общеобразовательных школах и родильных отделениях больниц, потому что иммигрантское население часто моложе и имеет больший коэффициент рождаемости, чем коренные жители. В Великобритании в 2001 году было 8,5% иностранцев, но одни роды из пяти приходились на иностранных женщин. Мусульмане до 16 лет составляют 4,7% от общего населения, а лица старше 65 лет — 0,6%. В Австрии в 2001 году (это еще одна страна, в которой собирается информация о религии) среди населения до 10 лет мусульмане составляли 8%, а среди населения старше 70 лет — только 0,2%²⁹. Подобные тенденции усиливаются в урбанизированных регионах, принимающих иммигрантов. Например, в Соединенном Королевстве один из пяти детей рождается от матери-иммигрантки, тогда как в Лондоне это число возрастает до двух детей. В Париже матери-иммигрантки составляют треть от общего числа, а в Копенгагене — пятую часть³⁰.

Наблюдается крайне сильное несоответствие в том, что демографы называют «самой низкой (lowest-low)» фертильностью по стране: в Италии на долю иностранцев приходится более 5% рожденных в 2004 году, тогда как в Риме этот показатель составляет 15%. В Турине на долю иностранцев приходится 25% родов и только 0,2% смертей³¹. В Москве «русскость» города быстро меняется в силу того, что в городе растет число наемных рабочих из других стран. Исследования 2008 года показали, что около 30% женщин, родивших в городе за год, не являются гражданками государства. Но данный показатель явно

²⁹ UK Census 2001, Ethnic Group by Age, table 4.8; *Goujon A. et al.* New Times, Old Beliefs: Investigating the Future of Religions in Austria and Switzerland. Paper presented at the Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections, Bucherst 10–12 October 2007; *Caldwell.* Reflections... P. 18.

³⁰ *Marechal B. A.* Guidebook on Islam and Muslims in the Wide Contemporary Europe. Louvain-la-Neuve: Academia Bruylant, 2002; *Westoff, Frejka.* Religiousness and Fertility among European Muslims. Mapping the Global Muslim Population, Pew Research Center's Forum on Religion and Public Life, 2009. P. 32.

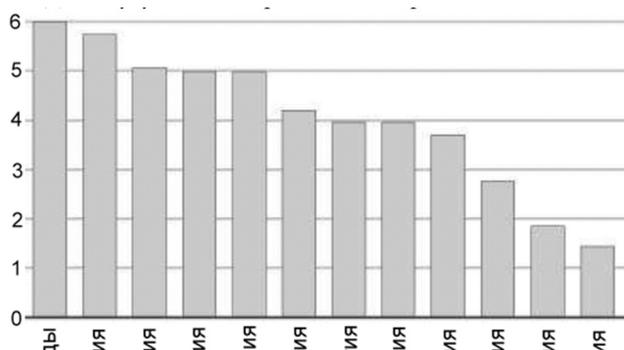
³¹ *Goble P.* Nearly One-third of Moscow Newborns are Children of Migrants // Window on Eurasia, from Kavkaz Center Russian Events, accessed 4 December 2008.

²⁸ *Knight R.* Debunking a YouTube hit // BBC Online. 2009. 9 August.

занижен в силу того, что большинство нелегальных иммигранток не регистрируют своих детей. В качестве иммигрантов здесь выступают выходцы из стран бывшего СССР, а именно из Средней Азии.

Диаграмма 1.

Доля мусульман в европейских странах, данные за 2000–2008 гг., %³²

Иммиграция

Начиная середины 1980-х годов, около миллиона человек каждый год переселяются в Европу. Треть из них переезжают нелегально. В большинстве западноевропейских стран число иммигрантов-неевропейцев составляет около 50%, половина из них — мусульмане. Это значит, только иммигрантский поток в Евросоюз только на четверть является исламским. Однако данная пропорция может вырасти, так как растет поддержка восточноевропейских иммигрантов за счет улучшения благосостояния и сокращения экс-коммунистических территорий. В 2006 году около 8% жителей Евросоюза были иностранцами. Примерно четверть — это уроженцы Африки и Азии, из которых незначительное большинство были мусульманами³³.

По-видимому, 250 тыс. мусульман приезжает в Евросоюз каждый год, что составляет 0,5% от численности населения ЕС. Может быть, это кажется не очень многочисленным вливанием, но если посмотреть на ситуацию в США, куда ежегодно переселялось число иммигрантов испанского происхождения, равное 1% от общего населе-

ния, то мы увидим, что это изменило этническую карту страны за несколько десятилетий (при том, что рождаемость среди американцев выше, чем среди европейцев). Отсюда становится понятно, что количество приезжих действительно велико.

Рождаемость

Сравнительно высокие показатели рождаемости являются важным фактором в росте мусульманского населения Европы, и они будут определять ситуацию даже при отсутствии иммиграции. В Австрии в 1981 году коэффициент фертильности среди мусульман составлял 3.09 детей на женщину, тогда как в среднем по стране эта цифра была равна 1,67. В 1991 году соотношение было 2,77 к 1,51. В 2001 году оно стало 2,34 к 1,32. Несмотря на то, что среди мусульман рождаемость понизилась, разница в уровнях рождаемости осталась огромной. За последние 8 лет фертильность среди коренных жителей Австрии незначительно выросла, достигнув отметки 1,4; предположительно, рождаемость среди мусульман и коренного населения начнет выравниваться. Это то, что произошло в большинстве европейских стран, потому что уровень рождаемости в мусульманских странах стал снижаться, а прирост коренного населения стал небольшими темпами расти за последние несколько лет³⁴.

Хотя большинство мусульманских стран характеризуются коэффициентом фертильности выше 3 детей на женщину и замедленным демографическим переходом (из-за исламистского сопротивления), все же в основных странах, откуда прибывают иммигранты в Европу, уровень рождаемости значительно снизился. К таким странам относятся Иран, Турция, Алжир, Тунис (здесь уровень рождаемости и смертности приблизительно равен) и Марокко (2,59), но сюда не входят Пакистан (3,6) и Сомали (6,52). Изменения в родных для иммигрантов странах влияют и на диаспоры. В Германии уровень рождаемости среди турок упал с 4,4 (1970 год) до 2,4 (1996 год). В Англии и Уэльсе рождаемость среди пакистанских и бенгальских иммигрантов упала с 9,3 до 4,9 в промежутке с 1971 по 1996 год. В Бельгии рождаемость марокканцев снизилась с 5,72 до 3,91 в период с 1981 по 1996 год. С одной стороны, рождаемость мусульман в Европе в три раза превышает рождаемость среди коренного населения Евросоюза и Норвегии, в основном за счет пакистанцев и сомалийцев. С другой сто-

³² Office of National Statistics 2006; www.wantedinrome.com, Immigrants: Foreign Babies in Rome, 30 November 2006.

³³ Pedersen P., Pytlikova M., Smith N. Migration into OECD Countries, 1990–2000 // Parsons, Smeeding. Immigration and the Transformation of Europe, 2006. P. 56–58; Barbone L., Bonch-Osmolovsky M., Zaidi S. The Foreign-born Population in the European Union and its Contribution to National Tax and Benefit Systems — Some Insights from Recent Household Survey Data. World Bank Policy Research working paper 4899 (2009).

³⁴ Myrskylä M., Kohler H., Billari F. Advances in Development Reverse Fertility Declines // Nature 460: 7256 (2009). P. 741–743.

роны, рождаемость иранцев примерно равна или даже ниже рождаемости коренного населения во всех европейских странах, турки Норвегии имеют показатели также близкие к показателям «принимающей страны». Предположительно через поколение или два рождаемость турок приблизится к рождаемости коренных жителей «принимающих» европейских стран³⁵.

Приблизится, но никогда не уравнивается с ней. Почему? Имеется поразительная статистика, согласно которой рождаемость среди турок и североафриканцев в Европе выше, чем рождаемость в их родных странах. Особенно это относится к туркам и марокканцам в Бельгии, что, возможно, связано с бедностью сельских поселений, откуда приезжают большинство иммигрантов. Религиозные женщины любой веры демонстрируют более высокий коэффициент фертильности, чем их нерелигиозные сестры. Это особенно верно по отношению к мусульманам Европы: религиозные мусульмане на 40% чаще имеют 3 и более детей, чем нерелигиозные мусульмане. Эта тенденция сохраняется даже тогда, когда исследователи учитывают фактор возраста, замужества, дохода и образования. Мусульманские женщины чаще становятся набожными, чем женщины других вер, соответственно в мусульманских семьях рождаемость будет выше, но не такой высокой, какой она была раньше. Как бы то ни было, но пропасть в рождаемости будет пролегать между религиозными и нерелигиозными людьми.

Секуляризация

Обзоры европейских меньшинств демонстрируют, что иммигранты в целом более религиозны, чем коренные жители Западной Европы³⁶. Секуляризация может трансформировать мусульман в светских европейцев, но имеется слишком мало свидетельств об упадке религиозности среди мусульман. Статистические обзоры показывают, что примерно четверть мусульман посещают мечеть хотя бы раз в неделю. Молодые мусульмане демонстрируют примерно равные показатели со взрослыми. Это контрастирует с религиозностью среди европейских католиков: старшие поколения дают высокие показатели, в то время как молодые люди редко посещают церковь. Среди протестантов только 5% верующих еженедельно

посещают церковь, что в 5 раз меньше показателей мусульман. В Англии мусульман, посещающих мечеть еженедельно, больше чем представителей англиканской церкви, при этом в англиканской церкви растет доля небелых прихожан³⁷.

Материалы двух самых значительных исследований по Великобритании говорят о том, что за период с 2001 по 2003 год мусульмане проделали огромную работу по передаче религиозности своим детям. В 2001 году 71,4% рожденных в Британии мусульман сказали, что их религиозная идентичность важна для них, тогда как британские мусульмане, рожденные в других странах, показали худший результат. Среди бенгальцев и пакистанцев 97% местных и рожденных за границей респондентов идентифицировали себя в качестве мусульман и дали понять, что их будущее поколение не оставит традицию. Исследование 2003 года показало незначительные элементы секуляризации: 80% опрошенных подтвердили, что они продолжают исповедовать свою религию, в то время как предыдущее исследование дало цифру в 88%. Сравним эти показатели с показателями секуляризации африканских и карибских христиан: 73% рожденных за границей придерживаются своей веры, тогда как рожденные в Британии христиане продолжают следовать традиции лишь в 43% случаев.

В соответствии с исследованием 2001 года доля бенгальцев и пакистанцев, которые не отнесли себя ни к одной религии, составила 0,5%, против 11,3% черных карибцев. Доля пакистанцев и бенгальцев во втором поколении, не принадлежащих ни к одной религии, возросла лишь немного: с 0,32% до 0,68%. Недавнее голландское исследование подтвердило эти результаты: число лиц, не относящих себя ни к одной религии, во втором поколении турок (4,8%) и марокканцев (3,1%) меньше, чем в целом среди голландцев. Европейские мусульмане, похоже, нашли волшебную формулу для противодействия процессам секуляризации.

Исключительность французских мусульман?

Исключением из этих тенденций являются французские мусульмане, особенно алжирского происхождения: 60% французов, у которых хотя бы один родитель алжирец, не относят себя

³⁵ Westoff, Frejka. Religiousness and Fertility among European Muslims...

³⁶ Ibid.; Courbage Y. Migrants in Europe: Demographic Characteristics and Socio-Economic Conditions. INED Working Paper (Paris), 2007.

³⁷ Van Tubergen F. Religious Affiliation and Attendance among Immigrants in Eight Western Countries: Individual and Contextual Effects // Journal for the Scientific Study of Religion 45:1 (2006). P. 1–22.

ни к одной религии³⁸. Почему? В 1999–2000 годах в Алжире была наименьшая доля религиозных респондентов (55%) в сравнении с любой другой мусульманской страной; этот показатель был ниже, чем у ближневосточных стран. Но это не совсем точные данные, поскольку сложившаяся ситуация является результатом скорее политической идентификации, нежели религиозной. Тем не менее она, действительно, демонстрирует что-то очень важное. Берберы из Кабильского региона имеют укоренившуюся традицию идентифицировать себя с приватным исламом.

Французские колонисты и местные берберские интеллектуалы пропагандировали идею о том, что берберы были земледельцами, больше похожими на европейцев, чем на кочевых арабов. Предполагалось, что они обладали европейским этническим происхождением, меньшей религиозностью и большим индивидуализмом в сравнении с арабами. «Под мусульманским „покровом“, — писал один французский обозреватель, — можно найти семья христианства. Жители Кабильского региона, частично коренные, частично немцы по происхождению, изначально христиане, так и не трансформировались в мусульман». В ходе алжирской войны за независимость кабилы присоединились к борьбе, но выступали в роли социалистов или светских националистов. В 1980-х годах они восстали против доминирующего арабского режима, но их мятеж был подавлен. Многие кабилы во Франции продолжают выступать за независимость. Один молодой парижанин из Кабилии, Юнис, живо вспоминает свое первое детское путешествие в Алжир: «Когда я в Алжире спросил пожилого человека, которого встретил на улице, как мне пройти к стадиону, то он ударил меня за то, что я говорил на кабильском. Потом я спросил это у полицейского, но он напугал меня своей дубинкой»³⁹.

Около 60% французских алжирцев имеют кабильское происхождение. Многие алжирцы некабильского происхождения переселились во Францию из-за лояльности к этой стране во время войны за независимость. Часть из них были профранцузскими харками, которые воевали за французов и вынуждены были спасаться бегством, чтобы избежать тюрьмы и смерти. Подобную лояльность можно увидеть среди индонезийцев в Голландии и угандийцев в Британии,

хотя эти народности составляют лишь малую долю мусульманского населения.

Спорт представляет собой альтернативу традиционной религии. И многие французские мусульмане являются заядлыми футбольными фанатами. В 1998 году французская национальная сборная во главе с Зинедином Зиданом, кабильцем из Марселя, выиграла чемпионат мира по футболу. На стадионе, а потом и на улицах фанаты выкрикивали его кличку «Зизу». Его изображение было спроецировано на Триумфальную арку, его запечатлели поющим национальный гимн Франции. «Найк» и другие спортивные компании использовали этот успех, чтобы продвинуть идею о том, что плюрализм преобладает над исламским религиозным фанатизмом и белым расизмом⁴⁰. Эти факты могли поспособствовать ассимиляции алжирцев. Как подметил Джонатан Пэрис, около 81% британских мусульман говорят сначала, что они мусульмане, а уже потом, что британцы, тогда как во Франции только 46% мусульман ставят религиозную принадлежность выше национальной⁴¹.

Роль межрелигиозных браков

Между секуляризацией и межрелигиозными браками имеется неоспоримая связь. В Европе браки, в которых хотя бы один из супругов является атеистом или исповедует иную веру, приводят к появлению нерелигиозных детей⁴². Если мы посмотрим на Германию, Бельгию, Голландию, Британию и Францию, то увидим, что межрелигиозные браки здесь встречаются реже всего среди мусульман (всего 8%). Второе поколение мусульманских иммигрантов демонстрируют чуть более высокий процент межрелигиозных браков, чем их родители — 10,5% (вместо 6%). Алжирские французы же наиболее склонны к подобным бракам: в 1992 году, сопротивляясь мусульманским тенденциям, в них вступили 50%. Сравните также упомянутый низкий уровень межрелигиозных браков среди мусульман с показателями западных индийцев: 26% свадеб в первом поколении и 53% — во втором⁴³. Таким образом, в Европе религия оказывается более серьезным барьером к смешанным бракам, чем этническая принадлежность.

⁴⁰ Ibid. P. 124–127.

⁴¹ Paris J. Europe and Its Muslims // Foreign Affairs 86:1 (2007). P. 182–184.

⁴² Voas D. Inter-marriage and the Demography of Secularisation // British Journal of Sociology 54:1 (2003). P. 83–108.

⁴³ Lucassen L., Laarman Ch. Immigration, Inter-marriage and the Changing Face of Europe in the Post War Period // The History of the Family 14:1 (2009).

³⁸ Amiraux V. L'Islam en France // Encyclopaedia Universalis France. Paris, 2004.

³⁹ Silverstein. Algeria in France... P. 36, 54, 70–72.

В Великобритании браки между мусульманами и представителями другой веры довольно редки: до 92% мусульман женятся на единоверцах. Мусульманские этнические группы одни из самых эндогамных в стране: около 90% бенгальцев и пакистанцев женятся на своих, в сравнении с 49% карибцев, 62% китайцев и 65% темнокожих африканцев. Доля жителей Британии, матери которых родом из Бангладеш или Пакистана и которые исповедуют веру своих матерей, — 92–93%. В противоположность этому показатели для карибцев составляют 30%, а для китайцев — 27%.

Тем не менее этнические привычки могут быть проводниками таких тенденций в большей мере, чем ислам. Учитывая меньшее число британских индузов и сикхов, мы бы ожидали, что уровень межрелигиозных браков у них будет выше, чем у мусульман. Однако британские индузы практически полностью (90%) эндогамны, как и мусульмане, а сикхи также показывают высокие результаты — 93%. Интересно, что эти южно-азиатские группы предпочитают жениться на белых, чем на людях из своего региона. В 2001 году только 0,3% мусульман были женаты на индузах или сикхах, в сравнении с 5,7%, которые заключили браки с христианами, и 1,5%, выбравших спутника-атеиста.

Этническая природа брака проявляется в том, что межмусульманские браки крайне редки. Более чем в 12 тыс. примерах из нашей британской подборки, включающей пакистанцев и бенгальцев, встретилось только 25 пакистано-бенгальских пар⁴⁴. Следовательно, этническая принадлежность — это основная преграда к ассимиляции для большинства мусульманских групп, так как эндогамия является нормой в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Африканские мусульмане, прибывшие из Тропической Африки, не имеют таких строгих ограничений, но в Европе их численность незначительна. В целом южно-азиатская эндогамия, будь то мусульманская, сикхская или индульская, препятствует ассимиляции, в то время как карибский креолизованный регион готовит к этому. Мусульманское сопротивление ассимиляции набирает силу: известно, что турецких, пакистанских и марокканских детей заставляют жениться на представителях их родной страны или даже деревни. Часто такие браки планируются заранее, иногда они происходят между двоюродными братьями и сестрами. В Голландии с 1988 по 2002 год 71% турок второго поколения и 59% марокканцев второго поколения вступи-

ли в брак с выходцем из родной страны. Схожие тенденции можно обнаружить и в Бельгии. Но во Франции иная ситуация: лишь около 17% мужчин (и 54% женщин) стремятся вступить в брак с этническим алжирцем.

Имеется предположение, что ограничивающие иммиграцию законы, которые принимаются с 1970 года, усиливают давление на европейских мусульман, так как вступление в брак становится единственным способом перебраться в Европу. Это особенно относится к мусульманским женщинам, которые в большей степени подвержены патриархальному принуждению⁴⁵. Меры, принятые в рамках голландских, германских и датских законов (повышение минимального возраста возможного супруга, учет знания языка, период ожидания), привели в итоге к сокращению «свадеб с целью иммиграции». Датский закон особенно строг: жители до 24 лет, которые вступают в брак не с представителями Евросоюза, не имеют права жить в Дании. Это может способствовать снижению числа датско-шведских или датско-американских союзов, но при этом численность мусульман также снизилась в силу уменьшения количества датчан неевропейского происхождения, заключающих браки с иностранцами (с 63% до 38% в период с 2002 по 2005 год)⁴⁶.

Те, кто считают, что вскоре европейские мусульмане будут напоминать испаноязычных американцев в темпах их интеграции, глубоко заблуждаются⁴⁷. Испаноязычные американцы больше похожи на чернокожих европейцев, потому что и те и другие произошли из стран с «гибридным» населением. Малая, но растущая часть мусульман заключают браки с представителями других религий, некоторые отказываются от веры, но темп изменений в данном случае является слабым. Нужно признать, что ислам является супра-этнической, цивилизационной идентичностью. Напомним, что теория секуляризации признает возможность возрождения религии при условии, что последняя становится опорой идентичности. Мусульмане второго поколения отделены от родных этнических корней, и к тому же они чувствуют себя отверженными в обществе белого большинства и в белом государстве. Эта экзистенци-

⁴⁴ Office for National Statistics, ONS Longitudinal Survey, 2001; Labour Force Surveys (UK), 1990–2001.

⁴⁵ Lucassen, Laarman. *Immigration, Intermarriage and the Changing Face of Europe*; Klausen, Jytte. *The Islamic Challenge: Politics and Religion in Western Europe*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2005. P. 188.

⁴⁶ Caldwell. *Reflections...* P. 230.

⁴⁷ Zoldberg A., Woon L. *Why Islam is Like Spanish: Cultural Incorporation in Europe and the United States // Politics & Society* 27:1 (1999). P. 5–38.

альная мука делает альтернативу мусульманской идентичности более привлекательной. Человек может не чувствовать себя пакистанцем или англичанином, но при этом ощущать себя мусульманином. Вам даже не надо быть религиозным, чтобы присоединиться к «Команде Ислама». Молодые пакистанские британцы, которые написали граффити «Хамас рулит» на стенах их Йоркширских трущоб, лишь хотели показать свою мужскую силу, также как и мятежники из французских пригородов, которые кричали «Аллах Акбар» полицейским. Это просто игры по выстраиванию границ идентичности, которые имеют мало общего с обязательствами ислама или спорами вокруг шариата⁴⁸. Практики идентичности относительно легки, и можно баловаться с их помощью, не принимая исламскую традицию осознанно.

Однако это не безразлично для возрождения религии. Политика идентичности стимулирует духовное любопытство и укрепляет общинные нормы благочестия, которые, в противном случае, могут быть разрушены. Исторически мы находим это среди религиозных поляков, бретонцев, басков, националистов Северной Ирландии и других народов, которые видят в католической религии ключ к собственной идентичности. Возрождение ислама в мусульманском мире, отмеченное в ношении платков и росте исламистских организаций, делает ислам модным в глазах номинальных европейских мусульман. Они чувствуют себя частью растущего всемирного движения, сообщества верующих⁴⁹.

Глобальная коммуникация позволяет «Аль-Джазире» и другим исламским культурным продуктам врываться в европейское жизненное пространство. Исламистские веб-сайты быстро разрастаются, многие из них переведены на иностранные языки. Даже умма имеет собственные политические взгляды. 31% британских мусульман заявляют о тесной связи с мусульманами из других стран, причем цифры свидетельствуют о повышенном контакте тех, кому от 18 до 24 лет⁵⁰. Для мусульманских теологов, таких как Тарик Рамадан, данная тенденция говорит о том, что европейские мусульмане имеют больше возможностей исповедовать настоящий ислам, по сравнению с их ограниченными братьями из мусульман-

ского мира. Он говорит о так называемом «евроисламе», который и чище, и лучше адаптирован к современному миру. Европейские мусульмане, которые хотели бы отказаться от этнических традиций, таких как договорные свадьбы, могут даже притягиваться к фундаментализму салафитов, поскольку именно в нем высмеиваются подобные ритуалы, как человеческие новшества⁵¹.

Социальное неприятие не объясняет разницы в процессах интеграции меньшинств: афроамериканцы настолько же экономически обездолены, как и мусульмане, но для первых это стало фактором, способствующим интеграции. В период с 1980 по 2001 год уровень безработицы среди турок и марокканцев в Бельгии был равен 33%, что намного больше, чем у итальянских иммигрантов (14%) или местных жителей (5,3%). В Нидерландах около четверти турецких и марокканских иммигрантов-мужчин были безработными в сравнении с 3% местных жителей. Картина с турецкими и марокканскими женщинами была еще хуже: 45% женщин в Бельгии и Франции были безработными, в сравнении с 10–12% коренных жительниц. В Британии 30% мусульман-мужчин экономически неактивны, что примерно вдвое больше христиан. Даже среди тех, кто работает, 40% занимаются малооплачиваемым трудом, для христиан эта цифра вдвое меньше. В то же время мусульманские женщины еще более пассивны (68%). Негибкий рынок труда в Европе и расовая дискриминация во всех странах — это только половина проблемы. Традиция гендерных ролей ведет к тому, что малое количество женщин (только четверть из тех, кто сейчас не работает) вообще хотят найти работу⁵².

Воодушевляет тот факт, что имеется взаимосвязь между длительностью пребывания в новой стране, уровнем образования, знанием языка и экономическим положением. Большинство только что приехавших иммигрантов являются представителями беднейших, едва образованных слоев населения, в отличие от североамериканских мусульман, которые в большинстве своем хорошо образованны⁵³. В Великобритании мусульманская молодежь теперь присутствует и в высших школах, и университетах. Наиболее серьезные пос-

⁴⁸ *Rai*. 7/7. P. 97.

⁴⁹ *Al-Azmeh A.* Afterword // *Al-Azmeh A., Fokas E.* Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence. Cambridge University Press, 2007. P. 210.

⁵⁰ *Mirza M. et al.* Living Apart Together: British Muslims and the Paradox of Multiculturalism. London: Policy Exchange, 2007. P. 38.

⁵¹ *Klausen.* The Islamic Challenge... P. 100–102; *Ramadan T.* Europeanization of Islam or Islamization of Europe // *Hunter S.* (ed.). Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape. Westport, Conn.: Praeger, 2002. P. 211–213; *Caldwell.* Reflections... P. 219.

⁵² *Mirza et al.* Living Apart Together... P. 68–69.

⁵³ *Pew Forum on Religion and Public Life.* Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream. Washington D. C., 2007.

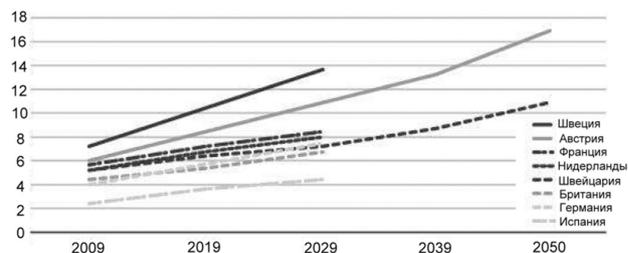
ледствия образовательная мобильность имеет для пакистанских мусульман, что отразится на значительной экономической мобильности, по крайней мере среди мужчин. Пропасть между занятостью коренного населения и иммигрантов может никогда и не сузиться полностью. Так, исследования показали, что те резюме, в которых написана мусульманская фамилия или стоит адрес бедного пригорода, значительно реже востребованы. Подобная дискриминация снижает шансы мусульман покинуть свои трущобы в шведских и германских городах. В Великобритании половина пакистанцев и бенгальцев живут в самых ужасных районах, где безработные составляют большинство. На данный момент не совсем ясно, как гетто могут быть устранены. Мусульманская демография воспроизводит их снова. Хотя и имеются признаки перехода к лучшим условиям, значительная часть европейских мусульман продолжают жить в этнических трущобах — островках отчаянья в море процветания.

Будущее ислама в Европе

Авторы хита «Мусульманская демография» на Ютубе вместе с другими пророками Евразии предупреждают о том, что мусульмане станут большинством в Европе к 2050 году. Теперь, когда мы знаем о том, каковы размеры, возрастная структура, уровень иммиграции, рождаемости и секуляризации европейского мусульманства, мы можем спроектировать вероятную численность населения. В *графике 1* даются показатели для западноевропейских стран, которые приводят мои коллеги из исследовательского института. Только для двух стран, Австрии и Швейцарии, даны прогнозы до 2050 года, но их траектории позволяют понять, чего приблизительно нам стоит ожидать в отношении других государств. Данные прогнозы не предполагают секуляризацию мусульман, зато в них учитываются текущие показатели иммиграции и то, что уровень рождаемости среди мусульман приблизится к уровню коренного населения. Если принять во внимание, что некоторые мусульмане отвернутся от веры, а уровень рождаемости не выровняется полностью, то можно предположить, что прогнозы могут оказаться не во всем точными.

График 1.

Предполагаемая численность мусульман в некоторых странах, 2009–2050 гг., %⁵⁴

К 2100 году в Европе прогнозируются значительные изменения, но ей будет еще далеко до Евразии. Если уровень рождаемости мусульман и коренных жителей не выровняется, то Австрия станет на 36% мусульманской страной с доминированием мусульман в возрастной группе до 14 лет. Уровень рождаемости мусульман, скорее всего, выйдет на один уровень с другими группами, но даже если разрыв будет преодолен к 2030 году, Австрия все равно останется мусульманской страной на 20% к концу века. Прогнозы относительно Швейцарии, основанные на показателях рождаемости и миграционных потоках, показывают, что примерно четверть швейцарцев будут мусульманами в 2100 году. Излишне говорить, что если Европа начнет контролировать иммиграцию по сингапурскому/кувейтскому сценарию, то такого прироста не будет. Отсутствие иммиграции в сочетании с выравниванием уровня мусульманской рождаемости стабилизирует долю континентальных мусульман к 2030 году на уровне 5–10%.

Значимым фактором является то, что разрыв в коэффициентах фертильности между религиозными консерваторами и атеистами (внутри христианских и мусульманских этнических групп) не уменьшится. Это усилит эрозию атеизма и умеренной религиозности. Исследования в Австрии и Швейцарии выявили, что нерелигиозная часть населения будет далека от своего пика к 2100 году. В Австрии этот пик придется на 2060 год (22%), а потом уровень снизится до 19% к 2100 году. Швейцарский сценарий аналогичен: пик секуляризма ожидается в 2075 году (24%)⁵⁵. Эти прогнозы значительно недооценивают динамику, потому что в них не производится детализация «религиозного» населения по теологии и демографической интенсивности. Внутри религиозной группы самые набожные и фундаменталистские направления будут увеличивать свои демографические показатели, вытесняя умеренных верующих и атеистов.

⁵⁴ Skirbekk et al. Pew Forum Muslim Religious Demography Report; Goujon et al. New Times, Old Beliefs.

⁵⁵ Goujon A. Projections with Austrian and Swiss census data, unpublished.

Почему это имеет значение?

Основная причина, по которой европейцы беспокоятся из-за растущей численности мусульман, не имеет ничего общего с шариатом или джихадом. Действительной причиной является старый добрый этнический национализм — желание видеть то, что доминирующее этническое большинство по-прежнему сочетается с национальным государством. Нам не стоит верить недалёковидной интерпретации, согласно которой мусульманская иммиграция является большим испытанием, поскольку ислам якобы более экзотичен, чем католицизм. Представьте, что Франция стала бы страной, говорящей на немецком языке, благодаря безграничной поддержке тевтонских иммигрантов, которые вдруг отказались бы предавать свой язык и свою идентичность. Кто-нибудь сомневается в том, что это вызвало бы такой же протест, как и предположение о мусульманской Франции?

В Каталонском регионе проживают больше всего испанских мусульман, многие каталонские националисты предпочитают мусульманских иммигрантов, которые готовы принять каталонский язык, вместо испанцев, которые от этого отказываются. В 2008 году в Испании возникли дебаты вокруг иммиграции, но жалобы были больше сосредоточены на эквадорцах и других латиноамериканцах, чем на немногочисленной группе мусульман, которые по крайней мере не были связаны с взрывами в Мадриде⁵⁶. Другими словами, страх перед экзотическими незнакомцами не обязательно должен быть интенсивнее фрейдовского «нарциссизма малых различий», который привел к массовым убийствам в нацистской Германии, Руанде и бывшей Югославии. Действительно, если мы перевернем страницу европейской истории назад, то увидим боязнь большой рождаемости католиков и папского заговора. Значительная часть этих страхов была продуктом этнических тревог в среде большинства, обеспокоенного тем, что его представители могут быть ущемлены.

Европа долгое время была миграционным континентом, и иностранцы могли свободно приезжать из других европейских стран и составлять меньше 1% населения⁵⁷. Но существовали и некоторые исключения. Во Франции наплыв ортодоксальных евреев из Восточной Европы после

русских погромов 1882 года перемешался с давними антисемитскими традициями, кульминацией этой ситуации стало дело Дрейфуса 1890-х гг. В Германии еврейские иммигранты стекались в Берлин, в Австрии — в Вену. Эти социально-демократические процессы были жестко раскритикованы Гитлером, они использовались как предлог для усиления его власти.

В Великобритании в 1905 году для контроля над потоками евреев-иммигрантов был принят «Закон об иностранцах», но он привел к тому, что с большими проблемами столкнулись католики. В Шотландии в 1790 году было лишь 1,6% католиков, но их численность неуклонно росла из-за потока бедных ирландских иммигрантов. К 1851 году католиков насчитывалось уже 4,6%, к 1911 году это число выросло до 11,4%, а к 1970 году — 20%. Католики более религиозны, чем шотландские протестанты, и они составили треть населения в Глазго, а в некоторых близлежащих индустриальных центрах — и вовсе большинство⁵⁸. Растущее число ирландских католиков вокруг Ливерпуля также спровоцировало мощную ответную реакцию протестантов, и это было главной причиной того, что протестантский рабочий класс, вопреки своим экономическим интересам, проголосовал за партию консерваторов. В то же время в Шотландии ирландская католическая угроза была воспринята настолько серьезно, что Шотландская церковь обратилась к британским властям с просьбой предотвратить эту «опасность для шотландского народа». В межвоенный период сектантские популистские движения, такие как «Протестантское действие» и «Шотландская протестантская лига», выиграли треть голосов, благодаря кампании против финансирования католических школ. До сих пор заметны следы той эпохи. Популярный страх перед католицизмом, как и сегодняшняя боязнь ислама, объясняются не чуждостью религиозных доктрин, а быстрым ростом этнических меньшинств, который видится неумолимым.

Именно это, а не защита ценностей эпохи Просвещения, является подлинной причиной подъема ультраправых в Европе. Поведение мусульман в Европе имеет для большинства европейцев меньшее значение, чем их потенциальный рост и противодействие ассимиляции. Если бы мусульмане были малочисленны, они бы вызывали меньше тревог. Если бы Европа встретила

⁵⁶ *Bezunartea P., Lopez J., Tedesco L.* Muslims in Spain and Islamic Religious Radicalism // Emerson M. (ed.). *Ethno-religious Conflict in Europe: Typologies of Radicalisation among Europe's Muslim Nations*. Brussels: Center for European Policy Studies, 2009. P. 140–141.

⁵⁷ *Baycroft T., Hewitson M.* *What Is a Nation? Europe, 1789–1914*. Oxford University Press, 2006. P. 328.

⁵⁸ *Brown C.* *The Social History of Religion in Scotland since 1730: Christianity and Society in the Modern World*. London–New York: Methuen, 1987. P. 71–76.

широкую волну латиноамериканской иммиграции, как в Аризоне или некоторых частях Испании, то она бы волновалась именно из-за испаноязычных иммигрантов, а не из-за мусульман.

Политические последствия

Изменения в религиозном составе Европы в ближайшие десятилетия не смогут модифицировать расстановку политических сил, поскольку среднестатистический избиратель сейчас значительно старше среднестатистического европейского мусульманина. От кандидатов требуется знание нового общества, а оно появляется либо в силу принадлежности к обществу от рождения, либо в силу долгого проживания в обществе. С другой стороны, европейские мусульмане сконцентрированы в важных индустриальных районах. Если группа иммигрантов преобладает в какой-то местности, то она, как это было с кубинцами в Майами или ирландцами в Бостоне, может определять муниципальную политику. Если эти области важны на федеральном уровне, то в результате меньшинства могут завладеть властью и на федеральном уровне. Испаноязычные жители, например, являются большинством в некоторых больших штатах, таких как Калифорния, и соответственно они могут предоставить большое число голосов. Это значит, что обе партии прилагают значительные усилия, чтобы получить поддержку данного слоя населения, и зачастую этим определяются политические решения — как, например, амнистия всех нелегальных иммигрантов, — против которых выступает большинство других избирателей.

В основной части Европы электоральная система опирается на пропорциональное представительство, так что показатели напрямую преобразовываются в политическое влияние. Это позволяет меньшинствам не стесняться в выборе средств для достижения желаемой цели. Иногда мусульманское меньшинство может вести себя как влиятельная коалиция, от которой зависит назначение лица на какой-либо высокий пост, как это было в 2002 году, когда небольшое число турецких немцев способствовало победе Герхарда Шрёдера⁵⁹. Это наиболее вероятный сценарий, по которому европейские консервативные мусульмане будут косвенно влиять на политику. Страх перед молодыми мусульманскими районами может заставить европейских лидеров отказаться от поддержки внешней политики США и Израиля или запретить художникам свободу самовыражения.

⁵⁹ *Caldwell*. *Reflections...* P. 251.

Исследования неевропейских иммигрантов в Европе показывают, что они чаще поддерживают левые партии, хотя и отличаются более консервативными взглядами⁶⁰. Открывает ли это новые перспективы для консервативных партий и подталкивает ли к смещению акцента с этнического национализма на моральный традиционализм? Республиканская партия США сделала именно это, выведя из игры протестантский национализм и белый национализм, чтобы заручиться поддержкой консервативных католиков и расположить к себе религиозных испанцев. Позднее Джордж Буш-младший попробовал предложить амнистию нелегальным иммигрантам, и он также избегал строгой политики против билингвального образования. Правые религиозные силы, особенно коалиция христиан, поддержали Буша, продвигая проиммигрантский посыл, который охватывал испанцев и религиозных мусульман⁶¹.

Пока имеются лишь фрагментарные свидетельства о движении в сторону консервативных ценностей в Европе, так как коренные религиозные правые довольно слабы за пределами Ирландии и Польши, а консервативные религиозные меньшинства все еще малочисленны. Поддержка антииммигрантских партий более значительна, чем поддержка проиммигрантских. От Италии до Норвегии, от Швейцарии до Бельгии ультраправые в Западной Европе утроили свое представительство с 1980 года, заставляя центристские партии апеллировать к этническим проблемам. Даже в Британии, где ультраправые участвуют только в муниципальных выборах, успешная партия консерваторов в 1990–2000 гг. сосредоточила свои силы на проблемах иммиграции и мультикультурализма. Этнический мультикультурализм в Европе является эксплицитно нерелигиозным, он осуждает мусульман и стремится к объединению со сторонниками секуляризма и христианами. Это отражается в подъеме атеистичных националистов, таких как Пим Фортейн или Николя Саркози, и формировании атеистических платформ для ультраправых партий.

И все же изменения витают в воздухе, так как религиозное меньшинство мусульман, иммигрантов-христиан и консервативных белых хрис-

⁶⁰ *Dancygier R., Saunders E.* A New Electorate? Comparing Preferences and Partisanship between Immigrants and Natives // *American Journal of Political Science*. 2006. October. P. 964–981.

⁶¹ *Kaufmann*. *The Rise and Fall of Anglo-America...* P. 281. Барак Обама в целом избегает иммиграционных проблем, видя в них вторичную политическую тему, которая отвлекает внимание от более важных политических приоритетов.

тиан выходит на арену. Население США на треть, а электорат на пятую часть, не является белым. В Европе эти пропорции намного ниже, избиратели небелой расы составляют 5% от численности всего электората. Из-за роста религиозно мотивированных меньшинств европейские консервативные партии делают акцент в своей политике на усилении иммиграционного контроля. При этом, например, сегодня во Фландрии партии левого крыла, которые получают голоса иммигрантов, не спешат открыто помогать им, так как боятся, что потеряют голоса тех, кто настроен против иммигрантов⁶². Но подобные стратегии меняются в регионах, где меньшинства крепко стоят на ногах. Так, Бельгийская социалистическая партия на федеральном уровне пренебрегает иммигрантами и мусульманами, но вот в Брюсселе, где численность этнорелигиозных меньшинств велика, партия уже поддерживает их и борется за их голоса⁶³. В дальнейшем этнорелигиозные изменения приведут к политическим изменениям. Филипп Девинтер (лидер правой партии Фламандский интерес) прокомментировал ситуацию следующим образом: «Я реалист. Число людей, голосующих за нашу партию, уменьшается с каждым годом... Сейчас примерно четверть населения — иммигранты. Эти люди за нас не голосуют. Каждый год уезжают около 4000 антверпенцев и на их место приезжают 5000 иммигрантов». Также стоит обратить внимание на попытку христианских демократов набрать к себе в ряды кандидатов с мусульманским бэкграундом.

Сможем ли мы со временем увидеть культурный раскол в Европе, сдвинутый с этнической подоплеки к религиозной? В настоящее время в Брюсселе и в целом в Европе левые партии представляют собой «сдерживающий фактор» для мусульман, голосующих за них. Это объясняется промусульманской внешней политикой и либеральным отношением к иммиграции. Однако набожные неевропейцы едва ли чувствуют себя комфортно рядом с социалистами и их атеистичными нравами, они также противостоят социалистам по таким проблемам, как сексуальные меньшинства, феминизм и атеистический гума-

низм. Отсюда следует, что консервативные партии в принципе имеют шанс вернуть себе обратно голоса религиозных мусульман. Белые христиане также остаются политической силой. Хотя пропорция религиозных избирателей в Европе уменьшилась в конце XX века, уровень их индивидуальной религиозности остается одним из самых сильных, и он выступает залогом их возможной приверженности правым партиям⁶⁴.

На первый взгляд, идея консервативных мусульман и христиан всех рас, пожимающих друг другу руки, кажется абсурдной. Но мы не должны забывать, что республиканцы смогли ловко осуществить этот трюк в период до 11 сентября 2001 года. Это вполне достижимо, так как политика является локальной. Христиан и мусульман может объединить выступление против чего-либо. Это суть «теории мобилизации ресурсов»⁶⁵. Например, в Великобритании лейбористская партия позволяет консервативным мусульманам доминировать в некоторых избирательных округах, в то время как в других преобладают защитники геев, феминистки и т.д. Партия предотвращает острые конфликты, перемещая раскольнические политические споры на муниципальный уровень; при этом объединение происходит вокруг более общих тем, таких как экономическая политика. Мусульманские партии также могут подняться посредством коалиционной политики, опирающейся на экуменизм.

В целом можно сказать, что мультикультурализм явно защищает консервативную религию от «гегемонистского великого нарратива», проявленного в западном секуляризме. «Политическая корректность» гораздо сильнее в Северной Америке, чем в Европе, отсюда следует и более быстрый отказ от расовых и иммиграционных тем в среде американских консерваторов. Тем не менее, европейские правые также должны остерегаться палки политкорректности, чтобы она не оказалась неприятной. Известно, что легче продвигать моральный консерватизм, чем расовый консервативный посыл. Когда лакомый кусок в виде избирателей из меньшинств ста-

⁶² *Erk J.* Red, White and Orange: Dominant Nationalism in France and the Netherlands Compared // *Lecours A., Nootens G.* (ed.). *Dominant Nationalism, Dominant Ethnicity.* New York: Peter Lang, 2009.

⁶³ *Jacobs D., Martiniello M., Rea A.* Changing Patterns of Political Participation of Immigrant-origin Citizens in the Brussels Capital Region: The October 2000 elections // *Journal of International Migration and Integration* 3:2 (2002). P. 201–221.

⁶⁴ *Minkenbergh M.* Party Politics, Religion and Elections in Western Democracies. Paper for International Studies Association. San Francisco: Ca, 2008; *Kaufmann E.* Religiosity, Ideology and Voting in Western Europe, 1981, 1990: research note (2007). — www.sneps.net/RD/RD1.htm

⁶⁵ *McAdam D., McCarthy J., Meyer Z.* (eds.). *Comparative Perspectives on Social Movements.* New York: Cambridge University Press, 1996; *Carty K.* The Politics of Tecumseh Corners: Canadian Political Parties as Franchise Organizations // *Canadian Journal of Political Science* 35:4 (2002). P. 723–746.

нет более привлекательным, идеологический призыв к моральному традиционализму начнет расти. В точке бифуркации светские либералы вытеснят небелых из своего направления как представителей консервативного духа, что приведет к присоединению христианских и исламских сил к оппозиции по отношению к светским европейцам. Главный водораздел в европейской политике будет тогда смещен с этнической линии к религиозному признаку.

Закат европейского секуляризма

Является ли мусульманско-христианская обходительность настолько неестественной? Подъем ислама предлагает интересные возможности преданным европейским христианам. Иммигрантский ислам и христианство возвращают религию в Европу и оживляют надежды христиан на окончание десятилетий мракобесия⁶⁶. Моя коллега-социолог, которая преподает в Лондонском университете Метрополитен, говорит, что она является, вероятно, единственным представителем светского (нерелигиозного) мировоззрения в классах, которые в основном состоят из мусульман и чернокожих евангелистов-христиан. Один мой студент-мусульманин добавляет, что район Ист-Энд, где он живет, сейчас покрывается в равной мере мечетями и евангелистскими церквями. Возможно, подобные истории станут более распространенными, когда изменится этнический состав Европы.

Ислам и христианство могут не выглядеть «друзьями», но в большинстве европейских государств, верующие всех конфессий чувствуют себя «единым войском господним» перед лицом секуляризма. В этом духе было сделано послание Иоанна Павла II, который договорился с евангелистами и мусульманами сражаться с идеей равенства полов и инициативами по контролю над рождаемостью. Принц Чарльз, который однажды станет королем Великобритании, стоит на таких же позициях. Он хочет исправить британскую конституцию так, чтобы его титул стал не «Защитник (христианской) веры», а «Защитник веры (в целом)»⁶⁷. Как-то раз в ящике своей электронной почты я нашел письмо от некой организации, называющей себя «Фонд диалога С1»; ее руководителем является Великий муфтий Египта, в нее входят Архиепископ Лондона, бывший пре-

мьер-министр Британии Тони Блэр, а также православный Патриарх Иерусалимский и представители других конфессий. Все это похвально, так как организаторы пытаются установить межрелигиозный диалог. Как пишет Тони Блэр в программном документе: «Сегодня едва ли есть более важное дело, чем определение правильного места религии в современном мире, поскольку ее мудрость помогает решать проблемы глобального масштаба»⁶⁸. Попытка Папы Бенедикта в Регенсбургской речи проложить мост между светским мировоззрением и христианством, сопровождавшаяся порицанием ислама и преломлением хлеба с Юргеном Хабермасом, выглядит, скорее, исключением из общей тенденции⁶⁹.

Часто религиозные люди находят общую почву в национальной идентичности. Под покровом дебатов, касающихся ислама в Европе, можно обнаружить общий «христиано-мусульманский» интерес. Европейские мусульмане положительно относятся к христианам⁷⁰. Многие испытывают чувство общности. Тарик Рамадан говорит о вкладе ислама в европейскую духовность, об исламе как об источнике откровения для христиан, а не как об источнике агрессии⁷¹. Религиозные христиане, в свою очередь, поддерживают мусульманские религиозные и моральные позиции. Когда лидер британской консервативной партии Майкл Ховард в 2005 году выразил желание уменьшить срок возможного аборта с 25 до 20 недель, то он получил огромную поддержку со стороны англиканских, католических и еврейских лидеров⁷².

Мусульманский совет Британии также работал с католиками, чтобы сохранить право на отказ в усыновлении однополым семьям и ограничить церковные школы от изучения прав сексуальных меньшинств⁷³. Похожая коалиция образовалась в Британии по вопросам охраны религии от клеветы. Закон о нетерпимости, осуждающий любую речь против ислама, был одобрен Тони Блэром, приверженцем католицизма. Не хватило всего одного голоса, чтобы закон вступил в силу в 2006 году⁷⁴. В ответ на это Архиепископ англиканской Церкви Роэн Уильямс и его колле-

⁶⁶ Kaufmann E. Breeding for God: Religion Returns to Europe // Prospect 128. 2006. 19 November.

⁶⁷ Pierce A. Prince Charles to be Known as Defender of Faith // Daily Telegraph. 2008. 13 November.

⁶⁸ Schatz R. C1 Foundation Annual Dialogue Report, 2009.

⁶⁹ Caldwell. Reflections... P. 183, 271.

⁷⁰ Goldberg M. The Means of Reproduction... P. 155–164.

⁷¹ Ramadan. Europeanization of Islam or Islamization of Europe... P. 218.

⁷² Sennott R. Abortion is Suddenly an Issue in British Election // International Herald Tribune. 2005. 24 March.

⁷³ Klausen. The Islamic Challenge... P. 73–74.

⁷⁴ Jenkins. God's Continent... P. 244.

га из Мусульманского совета Британии призвали ввести еще более строгое (в сравнении с законопроектом 2006 года) ограничение, касающееся антирелигиозных речей.

Уильямс подлил масла в огонь, когда предложил в своем выступлении перед ведущими законодателями ввести закон, делающий обязательными некоторые нормы шариата. По словам Уильямса, «принцип, гласящий о существовании одного закона для всех, является стержнем нашей социальной идентичности... но я думаю, что было бы неверно предполагать, будто из этого принципа следует, что люди не имеют других принадлежностей и идентичностей, которые формируют их поведение в обществе, и что закон не должен хотя бы в какой-то степени учитывать это»⁷⁵. Подобное же объединение повлекло за собой открытие общеобразовательных церковных школ, что было в один голос поддержано христианами, иудейскими и мусульманскими лидерами. На данный момент существует около 4600 англиканских, 2000 католических и 35 еврейских школ в Британии, но при этом только 9 мусульманских⁷⁶. Несмотря на волнения среди атеистов по поводу растраты общественных фондов на церковное обучение, ожидается рост числа мусульманских школ.

Дух мультикультурализма, который владеет многими левыми либеральными умами, стимулирует публичную активность напористых религиозных лобби. Чарльз Тейлор, приверженец католичества, один из лидеров мультикультурализма, отстаивает идею о том, что религиозная принадлежность является неотъемлемой частью личной идентичности. Оспаривать эту характеристику — значит, унижать того, к кому она относится. Более того, он выступает за то, чтобы религиозная принадлежность была не частным делом, но признавалась публично как важный компонент общества, наряду со светскими институтами⁷⁷. На конференциях по религии и мультикультурализму «чувствительность» и уваже-

ние к религии — даже консервативной — является популярным лозунгом.

Таким образом, академические мультикультуралисты часто обнаруживают себя в странной компании христиан-евангелистов. Никогда не следует принижать заявления европейских евангелистов, ибо они негодуют по поводу атеизма гораздо больше, чем мусульмане. Несколько лет назад у меня была возможность посетить дебаты в Лондоне; они устраивались консервативным мусульманским сообществом, и на этих прениях мужчины и женщины сидели по разные стороны зала. Главный спикер был вспыльчивым исламитом афро-карибского происхождения, он рассуждал на тему британских нравов и антимусульманской внешней политики. Во время обсуждения один из немногих немусульман (он назвался евангелистом) призвал «молодых приверженцев ислама» встать со «скамеек запасных» и пойти голосовать, дабы укрепить позицию тех, кто поддерживает религиозные ценности.

В общем, налаживаются многочисленные контакты между европейскими консервативными христианами и мусульманами. Но при этом верно и то, что мы будем еще продолжать наблюдать межэтнический конфликт в качестве осевого звена культурной политики. Возникновение «культурных войн» внутри этнических групп между атеистами-либералами и «блустителями ценностей» связано с более долгосрочной перспективой развития. По мере нашего приближения к середине века, Европа может начать следовать американской модели. Различные города переориентируются на эту модель. Устойчивый демографический рост среди представителей сильных религий гарантирует, что путь Европы лежит через моральный консерватизм. Религиозный фундаментализм будет постепенно корректировать левое политическое поле, освобождаемое уходом крупных секулярных религий, которые более не будут вызывать сочувствия у западных европейцев. Свобода, равенство и рациональность однажды заставили религию отступить, поскольку они были соединены с очаровывающим видением будущего. Сегодня их единственные остатки — это социальные табу, сдерживающие светский национализм, единственную серьезную европейскую альтернативу религиозной политике.

⁷⁵ BBC News, Shari'a law in UK is «unavoidable». 2007. 7 February.

⁷⁶ BBC News, Archbishop defends faith schools. 2006. 29 October.

⁷⁷ Taylor. Multiculturalism and the Politics of Recognition...